

DOI: 10.15372/HSS20200210
УДК 94(571)"1912/1917"

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

**ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ
КАК АКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СИБИРИ НАЧАЛА XX в.**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В исследовании деятельность городской потребительской кооперации Сибири в 1912–1917 гг. рассматривается в контексте проблем становления гражданского общества, развития гражданского самоуправления. Тема раскрывается с привлечением широкого круга литературы, периодики начала XX в. и архивных источников в рамках модернизационной парадигмы, концепции диффузионизма, акторного подхода. Показано, что в дореволюционный период потребительские кооперативы имели реальную правовую, институциональную и идеологическую основу для автономии от государства, самодеятельности и самоуправления. Определяющими факторами их развития и усиления влияния на общество являлись не финансовые или технические, а организационные: преодоление авторитаризма в управлении, коллегиальность, гласность, привлечение профессиональной экспертизы, ответственных специалистов.

Ключевые слова: потребительская кооперация, гражданское общество, акторный подход, демократическое самоуправление, Сибирь.

G. M. ZAPOROZHCHENKO

**CONSUMER COOPERATION AS A FACTOR IN THE FORMATION
OF CIVIL SELF-GOVERNMENT IN SIBERIA AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study focuses on the activities of Siberian urban consumer cooperation in 1912–1917 in the context of the problems of civil society and developing civil self-government. The author investigates the topic using a wide range of literature and sources within the framework of modernization theory, diffusionism concept, and «actor» approach. During the pre-revolutionary period, consumer cooperatives had an institutional, ideological, and real legal basis for autonomy from the state, self-activity, and self-government. This contributed to forming a new culture of social action related to the public control development over cooperative's affairs and local life. Cooperatives performed an important function of social transformation of peasants who had moved to the cities into responsible citizens, mobilization of innovatively active people. The author analyzes data on 75 general meetings in 14 large Siberian city cooperatives; shows examples of cooperatives' significance in economic, social and cultural spheres of Siberian cities, formation of new modern models of shareholders' behavior. Pre-modern values of a part of shareholders, social disunion within cooperatives, and abuse of the cooperative-administrative resource by the left socialists had a deterrent effect on this process. The determining factors were not financial or technical, but organizational ones: collegiality, transparency, involvement of professional expertise, responsible specialists. Forming consumer societies as democratic self-governing public organizations led to strengthening their influence on the social life, especially during the First World War, when cooperation developed effective links with municipal government to solve food, school and other issues of local life.

Key words: consumer cooperation, civil society, «actor» approach, democratic self-government, Siberia.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема движущих сил модернизации, ее агентов и проводников, является одной из важнейших при изучении процессов российской модернизации. Исследователи приходят к выводу, что несмотря на противоречия стратегии имперской российской модернизации в начале XX в., все-таки «в реальности преобладало взаимодействие, причем нередко конструктивное, с обоюдной заинтересованностью, между властными структурами, местным самоуправлением, общественностью, социальными стратами» [1, с. 41]. Добровольные общественные организации рассматриваются в качестве активных агентов модернизационных процессов, способствовавших росту общественной инициативы и самоорганизации социума [2, с. 242].

Одной из таких организаций была потребительская кооперация – широкое общественное движение, ставившее целью улучшение благосостояния своих участников посредством организации потребления, минуя частных торговцев. К 1917 г. в России насчитывалось 23,5 тыс. потребительских обществ с числом членов 6,8 млн чел., паевым капиталом 109 млн руб. и оборотом до 1,8 млрд руб. [3, с. 298–299]. Важным показателем идентичности кооперативных организаций являлась их приверженность в своей деятельности принципам демократического самоуправления, воплощавшим дух доверия, солидарности, сотрудничества. В Сибири городская потребительская кооперация непрерывно и устойчиво развивалась с 1912 г. По мере изменения общественно-политических условий и нарастания кризиса в экономике в течение 1917 г. в кооперативном движении проявились мощные тенденции к централизации, отрицательными последствиями которой становились бюрократизация управления и утрата важнейших черт, присущих кооперации свободного периода – самостоятельности и самоуправления

Задачей статьи является исследование деятельности городских потребительских кооперативов Сибири в 1912–1917 гг. как общественных организаций, оказавших важное влияние на развитие гражданского самоуправления. Анализ эффективности кооперативного самоуправления выступает важным критерием при оценке развития гражданского общества как результата модернизационных усилий общества.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЫЕ РЕСУРСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ДОСОВЕТСКОЙ КООПЕРАЦИИ

В обширной историографии досоветской кооперации значимость целей и результатов деятельности кооперативов ограничивалась, как правило, хозяйственно-экономическими параметрами, представлениями о ней как о важном общественном феномене, служившем существенным подспорьем для революционных сил. На рубеже 1980–1990-х гг. кооперативная проблематика расширилась за счет использования модернизационного подхода, дискурса гражданского общества, дискутирования альтернативности путей развития

российского общества в исследованиях Л.Е. Файна, К.Е. Балдина, А.П. Корелина, В.В. Кабанова, В.В. Шелохаева, Б.Н. Миронова, С.В. Тютюкина, А.В. Лубкова, Ким Чан Чжина, Е.Ю. Болотовой, К. Салзман, Я. Коцониса, Ш. Мерля и др. На международном коллоквиуме «Эпоха войн и революций: 1914–1922» (Санкт-Петербург, в 2016 г.) Алистер Дикинс (Манчестерский университет, Великобритания), Марк Стейнберг (Иллинойский университет, США), В.И. Шишкин солидаризировались в том, что легальные кооперативные организации с их рочдельскими правилами, принципом массового участия в выборах, общественного контроля над делами дали социалистам политическую культуру, которая послужила основанием для независимых, коллективных, демократических действий в КОБах и могла вылиться в альтернативный путь (эволюцию) по отношению к Октябрьской революции [4, с. 59–62, 66]. В целом существует дефицит исследований, целенаправленно рассматривающих потребительскую кооперацию в контексте проблем становления гражданского общества [5, с. 136]. Изучение имеющих важную социальную ценность практик демократического самоуправления в кооперативных организациях предпринимается впервые. Предварительная систематизация материала по теме представлена в монографии [6]. Исследование опирается на комплекс законодательных, нормативных, делопроизводственных документов, отложившихся благодаря функционированию кооперативных организаций, в центральных (РГИА, ГАРФ) и региональных (ГАТО, ГАНО, ИАОО, ГАТ) архивах. Особое значение для изучения структур гражданского общества имеют материалы периодической печати, дающие возможность судить о мотивациях, способах мышления и образах поведения, характерных для инициативных и рядовых участников кооперативного движения. Они делают более доступными для изучения процессы в социуме, которые не получили формализованного выражения или не прослеживаются по документальным источникам.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Модернизационная парадигма в последнее время продуктивно обогащена теорией экзогенных факторов модернизации, концепцией диффузионизма, акторным подходом к изучению модернизационных трансформаций. Раскрывая цивилизационное своеобразие российской имперской модернизации, они позволяют выявить, что государственная, этатистская модернизация не исключала модернизационных процессов, идущих «снизу», со стороны общества и проявляющихся в становлении новых форм миропонимания и деятельности [7, с. 10–50]. Потребительская кооперация может рассматриваться как один из экзогенных факторов, экзотических модернизационного перехода в соответствии с концепцией диффузионизма, основанной на идее распространения форм культуры из центра их выработки к периферии и культурного синтеза в ходе взаимодействия с местными условиями [8, с. 46–55].

Кооперативные организации наряду с другими общественными структурами выступают актором формирования современных ценностей, агентом модернизации в традиционном обществе. Деятельностный (акторный) подход сосредоточивает внимание на выявлении основных путей и стратегий людей, которые они используют, чтобы справиться с трудностями переходного периода. При таком подходе создается более четкий образ модернизирующегося общества. Эвристическую ценность приобретает изучение готовности человеческих ресурсов страны к модернизационным преобразованиям, соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам общества [2, с. 29].

ПРАКТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

В Сибири на 1 января 1917 г. насчитывалось около 1 тыс. потребительских кооперативов из 5 тыс. кооперативов всех видов с 500 тыс. членами и оборотом 20 млн руб. С учетом членов семей кооператоров они обслуживали 2 млн чел., или 22 % населения региона¹. Доля городских обществ по сравнению с сельскими в общем количестве потребительских кооперативов Сибири была невелика и постоянно снижалась – с 5,2 %, в 1912 г. до 1,6 % в 1917 г. – вследствие бурного роста деревенской кооперации [9, с. 101]. Но по численности, размаху деятельности, величине оборотов городские кооперативы заметно превосходили сельские, причем городская кооперация была почти исключительно потребительская.

Города являлись экономическими, демографическими, управленческими и культурными центрами формирования бессловного модернизированного общества. Городское население в Сибири в результате индустриализации, железнодорожного строительства, колонизации выросло с 6,2 % в 1897 г. до 10,8 % в начале 1914 г., в большей степени за счет механического прироста [10, с. 435]. Исследователи не раз обращали внимание на окрестывание городов и реанимацию в среде городского населения стандартов и стереотипов крестьянского сознания и поведения [11, с. 349], на незавершенность процессов вертикальной мобильности в крестьянско-мещанской среде, результатом которой должен был стать, но не стал полноценный «средний слой» городского социума [12, с. 131–132]. Этнос крестьянского мира с ограниченными интересами, узким кругозором, религиозностью, патернализмом, неуважением к частной собственности был вполне живуч в городской среде рассматриваемого периода.

Функцию социальной трансформации прибывших крестьян в бессловную категорию граждан, мобилизации инновационно активных людей город выполнял посредством органов местного самоуправления, разветвленной сети общественных организаций, в том числе кооперативных.

¹ Изв. Общества потребителей Забайкальской железной дороги. 1917. № 2. С. 11.

Демократическое самоуправление в потребительских кооперативах развивалось под воздействием трех факторов – институционального, правового, идеологического. С институциональной точки зрения потребительский кооператив, как доказал И.В. Емельянов, представлял собой экономическую фикцию, в отличие от капиталистических предприятий. Кооператив с его средствами служил действующей частью объединенных экономических единиц. Его собственное экономическое поведение было продиктовано объединенными хозяйствами его членов и всего лишь отражало характер и устремления пайщиков [13, с. 102]. Это создавало возможность участия кооперативов в решении широкого круга социально-экономических и культурных задач.

Правовые основы обеспечивались нормами законодательства, в целом дававшими возможность свободного, массового вступления населения в кооперативы, а не принятия какой-либо инстанцией. Нормальный устав потребительных обществ 1897 г. закреплял принципы верховенства общего собрания, коллегиальности управления выборными сменяемыми органами – правлением и ревизионной комиссией, равноправного голосования пайщиков независимо от числа паев.

Идеологами кооперативного движения подчеркивалось, что основная черта кооперативной организации – автономность и самостоятельность. Не случайно первый номер журнала «Союз потребителей» в январе 1903 г. открывался программной статьей профессора И.Х. Озерова, где освещались «двоякого рода выгоды от кооперации – экономические и духовные», а затем прямо заявлялось, что кооперация – это прежде всего «школа общественной жизни». В кооперативе, по мнению автора, люди группировались вокруг общего дела, учились совместно действовать, думать, привыкали к уважению мнения оппонента, что имело особое значение при «бедной российской общественности»². Кооперативы, как отмечал Я. Коцонис, были важны не только потому, что были многочисленными, но и потому, что они стояли в ряду немногих пореформенных институтов, сознательно создававшихся для вовлечения в совместную работу представителей всех сословий [14, с. 278]. Классические рочдельские принципы кооперативного движения в Сибири утверждались под идейным руководством Московского союза потребительных обществ (МСПО, 1898–1917 гг.)³.

Обобщенные данные о 75 общих собраниях в 14 крупных сибирских городских кооперативах в 1912–1917 гг. [6, с. 269–279] свидетельствуют о многообразии их повестки, дискуссионном характере процесса обсуждения, регламентированной процедуре принятия решений, что отразилось в большинстве сохранившихся протоколов. Наибольшее внимание пайщиков привлекали учредительные и отчетно-выборные собрания, которые в отличие от текущих собирали «многолюдную», «бурную» аудиторию, часто заканчивались далеко за полночь. Ярким примером являет-

² Союз потребителей. 1903. № 1. С. 4.

³ Союз потребителей (Юб. номер). Омск, 1918. С. 40.

ся учредительная кампания в обществе потребителей г. Тобольска 14 ноября – 3 января 1915 г. В течение четырех многочасовых собраний в Народной аудитории члены организационной комиссии читали доклады об истории возникновения обществ потребителей в Тобольске в прежние годы, о целях и задачах кооперации, голосовали по важнейшим пунктам устава, вели запись членов, прием членских взносов, продавали экземпляры устава, раздавали листовки МСПО, выбрали для кооператива название «Самосознание», избрали кооперативный актив⁴.

Такой регламент являлся образцовым началом самоуправления и разительно отличался, например, от организации чиновничьего кооператива в Енисейской губернии под руководством иркутского вице-губернатора А.С. Римского-Корсакова, когда принятый устав даже не читался и не обсуждался⁵. Так выглядели две противоположные тенденции: с одной стороны – ответственное самоуправление с сознательным и заинтересованным отношением пайщиков к решению вопросов, а с другой – имитация самоуправления в казенных потребительных обществах.

Источники позволяют выделить ряд типичных проблем в развитии самоуправления в кооперативных организациях. Данные отчетов, анкетирования, материалы прессы нередко указывали на равнодушие и инертность их членов, желание извлечь как можно больше выгод из кооператива, не давая ничего взамен. Приток в годы войны в потребительскую кооперацию большого числа «кооператоров поневоле» усугублял проблему пассивности и абсентеизма пайщиков. Как правило, в начале деятельности кооператива общие собрания посещались активно, а затем пайщики о них «забывали». Половина объявленных собраний не собирала кворума. После целого ряда несостоявшихся собраний правление «Экономии» в Новониколаевске, например, через губернскую администрацию изменило уставную норму полномочного кворума с 2/5 на 1/5 членов⁶.

Проведение собраний требовало тщательной подготовки, так как последствия принятых решений отражались на положении пайщиков. Примером значимости коллективного обсуждения являлось общее собрание членов кооператива «Экономия» в Новониколаевске 31 января 1916 г., где без должной проработки вопроса проголосовали за повышение пая, полагая это очевидным в условиях инфляции. Однако поспешное и непродуманное решение имело для общества ощутимые последствия. В течение последующих двух лет пай в «Экономии» повышался еще три раза. В результате в 1918 г. из кооператива вышли более 12 тыс. чел., и только около 6,5 тыс. его членов имели возможность оплатить полный пай в 25 руб. Это означало, что лишь половина общества представляла собой полноправных членов с правом решающего голоса, покупки товаров и получения скидок. Кроме того, каждый раз с уве-

личением размера пая приходилось вносить соответствующие изменения в устав. Альтернативой являлась концепция паенакопления, при которой сохранялось номинальное значение пая, но увеличивалось число обязательных для оплаты паев при установлении полноправного членства, начиная с одного оплаченного пая, на что указал «Экономии» в 1918 г. в аналитической записке инструктор Закупсбыта Б.И. Чернавин⁷.

Подобные случаи демонстрировали, что самоуправление само по себе не гарантировало успешной деятельности кооператива. Практика способствовала осознанию необходимости сочетания самоуправления с профессиональной экспертизой, наймом специалистов – товароведов и бухгалтеров, инспектированием со стороны МСПО и Закупсбыта.

Большим местом кооперативов являлось отсутствие финансовой самостоятельности как следствие незначительности собственных капиталов и правовой необеспеченности кооперации в вопросе получения банковского кредита. Характерна история всесословного общества потребителей «Экономия», которая началась в мае 1912 г. согласованной и полной энтузиазма работой, присущей новому общественному делу. Многолюдные общие собрания, привлекавшие по 100 и более членов, были посвящены обсуждению не только торговой деятельности, но и планов организации библиотеки, книжного магазина, школы для взрослых, кооперативного союза.

Однако в ноябре 1912 г. появились признаки разлада в управляющих органах, Ю.Я. Конисский покинул пост председателя⁸. Несвоевременная оплата паев тормозила накопление оборотных средств. В то время как на открытие мясной торговли правление просило сдавать дополнительные 1–2 руб., за членами числился долг по оплате паев в размере 700 руб., что приравнивалось к смете по мясной лавке. В 1914 г. заметно снизился интерес пайщиков к обществу, посторонние покупали больше, чем члены кооператива⁹. Отпущенные в кредит товары служащим городских учреждений – почты, телеграфа, школы – превращались в задолженность. По итогам 1914 г. говорилось о бесхозяйственности правления, неумелом подборе сотрудников, хаосе в счетоводстве и делопроизводстве¹⁰.

Избранному в 1915 г. новому правлению во главе с председателем В.Р. Романовым, прибывшим в ссылку из Киева, с трудом удалось закончить 1915 г. без убытков, с небольшой прибылью¹¹, что позволило купить пекарню, открыть обувную мастерскую и кондитерский цех¹². Популярность и значение «Экономии» в социально-экономической жизни Новониколаевска значительно возросли в результате эффективной дея-

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 327. Л. 90.

⁸ Алтайское дело. 1912. 27 нояб.

⁹ Там же. 1914. 18 июня.

¹⁰ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 1а. Л. 30–31 об. [Протокол общего собрания общества потребителей «Экономия» г. Новониколаевска от 11 июля 1915 г.].

¹¹ Там же. Л. 35 об.

¹² Голос Сибири. 1916. 28 сент.

⁴ Сибирский листок. 1915. 17, 19, 24, 26 нояб.

⁵ Сибирская жизнь. 1917. 12 янв.

⁶ Голос Сибири. 1916. 13, 20, 28 сент.

тельности по снабжению населения важнейшими продуктами в условиях продовольственного кризиса. На общем собрании 27 ноября 1916 г. наблюдалась совсем другая картина, чем год назад. Оно было признано «выдающимся как по количеству, так и по составу присутствовавших: зал был полон публики, явились новые лица, выступали не только присяжные ораторы, но и ораторы из народа», присутствовало много женщин¹³. Правление сообщило о значительном увеличении численного состава «Экономии» – до 1297 чел., росте торговых оборотов в 2–2,5 раза, восстановлении кооперативной торговли для малообеспеченных жителей Закаменки, начале работы культурного отдела. Один из активных кооперативных работников предоставил для организации Закаменского отделения беспроцентную ссуду и выделил помещение в своем доме для библиотеки, объяснив это желанием содействовать делу кооперации и просвещения городской бедноты в память о погибшем на войне сыне¹⁴. Собрание показало, что после четырех лет деятельности под руководством постоянно обновляемого правления сплоченность пайщиков на основе совместных интересов и успехов общего дела заметно усилилась.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Финансовая и техническая стороны в кооперативах не являлись определяющими. Как показал автор классических трудов по теории организации Д. Норт, организационные факторы играют более важную роль, чем технические, поскольку ведут к изменению институтов, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на развитие экономики [15, с. 22]. Потребительским обществам, как и всякой организации, были свойственны тенденции к концентрации власти, групповщине и авторитаризму в управлении, отрыву руководства от рядовых членов.

Особенно яркими эти проявления были во всехословных городских кооперативах, где в состав руководящих органов входили преимущественно служащие, чиновники, лица свободных профессий, а значительная прослойка рабочих и малообеспеченных горожан не были пропорционально представлена в руководстве. Настроения и риторика кооперативной аудитории носили противоречивый характер. Критика в адрес кооперативных управленцев за «торгашеские» методы ведения дел не исключала стремления пайщиков к прибыли и существенным дивидендам. Естественный антикапитализм потребителей поддерживался активной деятельностью в кооперации левых социалистов. Поэтому социальная интеграция и развитие демократического самоуправления происходили постепенно, нередко драматическим образом с острыми конфликтами, борьбой группировок и личностей.

Так, в Томске руководству «Деятеля» во главе с чиновником Ю.П. Терру оппонировали социалисты

Д.И. Голенищев-Кутузов, П.Н. Стечкин, В.И. Анучин, Н.С. Васильев, А.Ф. Иванов, В.Н. Чепалов. В ходе отчетно-выборной кампании 1916 г. они обрушили на правление вал критики (за обособление от членов «за стеной важной начальственной жизни», высокие цены, неспособность наладить взаимодействие с городской продовольственной комиссией, огромные долги, беспорядок в лавках, «барышничество», стремление к коммерческому успеху в ущерб задачам социальным), не вполне справедливой в условиях бестоварья и недоброжелательного поведения городского самоуправления¹⁵. В результате лидеры оппозиции были избраны на руководящие посты вместо старого правления, деятельность которого подверглась расследованию специальной комиссией.

В барнаульском «Сотруднике» правлению, включавшему преимущественно представителей состоятельных слоев населения, на общих собраниях постоянно противостояла группа социалистов во главе с А.В. Спекторским. Они критиковали руководителей за отсутствие демократизма и гласности, зависимость кооператива от милости «американских дядюшек» – кредиторов из мещанского общества¹⁶. Заканчивались выступления оппозиции призывами А.В. Спекторского к членам правления «Уйдите!» и к участникам собрания – «Общество в опасности! Спасайте общество от правления!». Третьим судьей в конфликте выступил Алтайский союз кооперативов, который провел проверку счетов и деятельности правления «Сотрудника»¹⁷.

В Мариинске причины разногласий также коренились в неоднородном социальном составе кооператива. Сначала из него исключили купцов и торговцев – явных недоброжелателей и конкурентов. Затем восстали служащие, недовольные низкой оплатой, а вскоре члены общества выступили в прессе с открытым письмом о недостатках в работе руководства. Они писали, что правление обращается к пайщикам только за кредитом, «не предоставляет исчерпывающих отчетов о своей работе, ограничиваясь балансом, в котором большинство ничего не понимает»¹⁸. На состоявшемся в сентябре 1916 г. многолюдном общем собрании состав правления был полностью обновлен¹⁹.

Правление Городского общества потребителей Омска, несмотря на высокую оценку его деятельности со стороны пайщиков, также не избежало критики за ошибки в управлении и требований об отставке²⁰. В Иркутске на чрезвычайном общем собрании «Кооператора» 20 ноября 1916 г. против правления резко выступила группа из членов кооператива с обвинениями в том, что оно руководствуется в своей работе не планом или системой,

¹⁵ Объединение. 1916. № 10. С. 18; Сибирская жизнь. 1916. 5, 12 мая.

¹⁶ Голос Сибири. 1916. 21 сент.

¹⁷ Жизнь Алтая. 1916. 1 нояб.

¹⁸ Утро Сибири. 1915. 23 дек.

¹⁹ Сибирская жизнь. 1916. 25 сент.; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 9. Д. 332. Л. 4.

²⁰ Омский вестник. 1915. 22 дек. (3 янв.); Степной край. 1916. 16 янв., 6 марта.

¹³ Там же. 1916. 29 нояб.

¹⁴ Там же. 1916. 3 дек.

а лишь желанием во всем конкурировать с деятельностью кооператива «Труженик»²¹. Даже в спяном рабочем кооперативе «Труд» на ст. Тайга на общем собрании 30 марта 1917 г. постановили назначить специальную комиссию для проверки слухов о допущенных правлением под руководством председателя М.Ф. Яворского и ревизионной комиссией нарушениях²².

Кооператоров Ачинска возмущало то, что их общество напоминает не демократическую организацию, а обычное торговое предприятие, управляемое несколькими лицами по своему усмотрению, которые «неизвестно, где и когда собираются, какие вопросы решают»²³. В обществе потребителей «Трудовая копейка» на ст. Иланская в Енисейской губернии возникли разногласия по вопросу об отчислении прибыли на культурные цели. Пайщики-железнодорожники полагали, что «богатые» из правления «выкачивают из кооператива деньги, прикрываясь просвещением», и предлагали назначить в правление на условиях процентного вознаграждения управленцев-специалистов, которые бы развивали прежде всего торговлю и обеспечивали членов продуктами и сбережениями²⁴.

Эти и многие другие примеры показывают, что кооперативное самоуправление представляло собой целенаправленный процесс развития коллегиальности, гласности, прозрачности управления, совершенствования обратной связи, осознания того, что кооператив должен выступать перед лицом потребителя как организация общественная. В 1915–1916 гг. в кооперативах Томска²⁵, Барнаула²⁶, Омска²⁷, Верхнеудинска²⁸ успешно прошли кампании за «открытие дверей» – допущение на заседания правления с правом совещательного голоса членов общества, ревизионной комиссии, кооперативных служащих. Пробуждение самостоятельности пайщиков происходило, кроме собраний, в общественных комиссиях (по заготовке дров, устройству пекарен, помощи беженцам, культурной работе); в районных комитетах, наблюдавших за работой лавок; а также посредством анкетирования; подготовки и участия в культурно-просветительных и досуговых мероприятиях; для женщин предусматривалась организация женской кооперативной лиги.

Влияние всех этих мер на кооперированное население прослеживается, например, в заметках о кооперативе в железнодорожном поселке на ст. Иланская Енисейской губернии. Если в 1913 г. жители поселка характеризовались как «неподвижная, недоверчивая

масса, встретившая учреждение кооператива неприветливо и враждебно», то в отчете о собрании в 1915 г. отмечалось, что члены кооператива «отнеслись вполне сознательно к поставленным вопросам и подвергли их детальному обсуждению, вникая во все мелочи, были горячие споры, но не было бессмысленных, пьяных выкриков, столь обычных на сельских сходах»²⁹.

Наибольшую солидарность демонстрировали кооператоры Омска, Тобольска, Черемхово, Тайги. Правление кооператива «Самосознание» в Тобольске под председательством ветеринарного врача А.Н. Чеботарева успешно руководило его деятельностью с начала основания в ноябре 1915 г. Когда в связи с изменившейся в феврале 1917 г. общественно-политической ситуацией правление в полном составе подало в отставку, общее собрание ее не приняло, переизбрав кооперативный актив в прежнем составе на новый срок, что говорило о полном доверии руководству³⁰. В отчете правления кооператива служащих и рабочих на Черемховских угольных копях в Иркутской губернии отмечалось, что несмотря на трудности (пожар, недостачу, кражи), правление постоянно ощущало поддержку пайщиков и видит главный результат своей работы, помимо коммерческой стороны, в объединении населения для решения насущных жизненных задач³¹.

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КООПЕРАТИВОВ НА ОБЩЕСТВО

Становление потребительских обществ как демократических самоуправляющихся общественных организаций обусловило усиление их влияния на жизнь общества, особенно в годы Первой мировой войны. По мнению немецкого исследователя Х.-Д. Лёве, война разрушала социальный капитал и не особенно способствовала развитию элементов гражданского общества. Но она делала их более различимыми, если они занимали эту нишу еще в довоенный период. В ходе Первой мировой войны гражданское общество выстроило многие аспекты российской социальной, экономической и политической жизни, особенно в деле снабжения городов [5, с. 128–131].

Кооперативы стали выполнять новую для себя функцию организации хозяйственной жизни города, уезда, губернии, что в Сибири было важно из-за отсутствия земства, удаленности от промышленных центров. И это при том, что несмотря на впечатляющий численный рост, потребительные общества из всех других видов кооперации характеризовались как менее всего обеспеченные средствами, страдающие «разрозненностью, непрактичностью, слабым развитием сознательности»³². Тем более важен огромный

²¹ Иркутский кооператор. 1916. № 21–22. С. 29.

²² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 196. Оп. 7. Д. 86. Л. 23 [Выписка из книги протоколов общего собрания общества потребителей «Труд» в г. Тайге от 30 марта 1917 г.].

²³ Самостоятельность потребителя. 1916. № 1/2. С. 25.

²⁴ Объединение. 1916. № 8. С. 19.

²⁵ Протокол общего собрания от 13 сентября 1915 г. // Томское общество потребителей «Деятель». Отчет за 1915 г. С. 25–26.

²⁶ Жизнь Алтая. 1916. 5 июля.

²⁷ Омский вестник. 1915. 22 дек. (3 янв.); Степной край. 1916. 16 янв., 6 марта.

²⁸ Иркутский кооператор. 1916. № 11. С. 9.

²⁹ Объединение. 1915. № 1. С. 17; Сибирская деревня. 1915. № 1. С. 22.

³⁰ Государственный архив Тобольска. Ф. 154. Оп. 8. Д. 204. Л. 7.

³¹ Отчет Черемховского общества потребителей села Черемхово Иркутской губернии, Балаганского уезда за I операционный год (с 22 декабря 1912 г. по 9 июня 1914 г.). Иркутск, 1914. С. 16, 18.

³² Вестн. кооперации. 1914. № 6–7. С. 135–136.

шаг вперед со стороны кооперативов по установлению сотрудничества с муниципальными структурами, которое к 1916 г. приняло, за исключением отдельных случаев, массовый характер³³.

Кооператоры разрабатывали в помощь городскому самоуправлению планы продовольственных кампаний, реализовывали в своих магазинах заготовленные городом и собственными силами продукты, проводили подворные обследования и анализ продовольственной ситуации. Выделяется история кооператива «Экономия» в Верхнеудинске. Поскольку в городской продовольственной комиссии тон задавали конкуренты кооператива – местные торговцы, кооператоры безуспешно пытались получить ссуду от городской думы, мещанского общества и местного отделения Госбанка на закупку продуктов для продажи всему населению по заготовительной цене с 5%-ной компенсацией³⁴. В результате они увеличили собственный закупочный фонд с помощью дополнительных взносов, получили товарный кредит в Прибайкальском товариществе кооперативов³⁵. В 1916 г. в период «мучных» и «сахарных» кризисов только в лавках «Экономии» можно было приобрести дефицитные продукты. Когда обнаружилось, что городская управа не знала точного числа жителей Верхнеудинска для введения карточек, правление «Экономии» 21 октября 1916 г. без участия гласных организовало однодневную перепись населения переписчиками-добровольцами, мобилизовав для общественной работы около 100 чел. из учителей, учащихся, служащих, рабочих, приказчиков. Счетчики обошли более 17 тыс. чел, наблюдая «отчаянные картины безысходной нужды и нищеты, таящихся в лачугах городских окраин»³⁶. Благодаря кооперативной мясной торговле и колбасному производству город легче пережил мясной кризис³⁷.

В Красноярске взаимодействие кооператива «Самодетельность» с городским управлением осложнялось из-за разногласий в правлении между социалистами по поводу сотрудничества с «бездействующей» продкомиссией, где численным перевесом обладали купцы. Тем не менее в результате регулярных обращений к муниципальным властям с записками по продовольственному делу кооператоры неоднократно получали средства на закупку зерновых и мяса для всего населения города³⁸.

По мере хозяйственного укрепления кооперативы включались в освоение культурного пространства городских поселений. Отчислялись средства на устройство народных домов, библиотек, школ, приобретение кооперативной литературы, кинематографа. Анжерское

общество потребителей в 1915 г. для 150 детей поселка, оставшихся без школьного места, оборудовало школу на деньги из собственной прибыли³⁹. Новониколаевская «Экономия» в октябре 1916 г. устроила воскресную школу для более чем 100 взрослых⁴⁰. В Мариинске в октябре 1917 г. открылась кооперативная школа для детей членов потребительских обществ уезда⁴¹.

Городское общество потребителей Омска в своей культурно-просветительной работе новаторски использовало популярную в то время идею «кооперативного клуба». Свою первую годовщину 29 мая 1916 г. оно отметило большим праздником под общим названием «День кооперации». Примечательно, что мероприятие было многолюдным, несмотря на совпадение с празднованием Троицы, что свидетельствовало об успешном формировании у кооперированного населения новых современных моделей поведения⁴².

Кооперация выдвинула когорту деятелей, которые оказались востребованы в последующий период на поприще общественного управления, таких как Н.С. Васильев, А.Ф. Иванов, В.Н. Чепалов, В.И. Анучин, Д.И. Голенищев-Кутузов, Н.А. Рожков, Е.В. Захаров, В.И. Кириллов, С.И. Кантчиков, А.Н. Гладышев, П.Н. Марков, А.Н. Чеботарев, А.В. Байкалов, А.Р. Шнейдер, И.А. Ловцов, А.К. Скворцов, В.Р. Романов и др. В Иркутске, Красноярске, Томске действовали Комитеты содействия кооперации с участием университетских профессоров П.И. Лященко, А.В. Горбунова, Н.Я. Новомбергского⁴³. Участвуя в кооперации, они устанавливали связи с городским самоуправлением, корпорациями и общественными организациями, нередко обращались с запросами к членам Государственной думы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в дореволюционный период потребительские кооперативы имели институциональную, идеологическую и реальную правовую основу для автономии от государства, самостоятельности и самоуправления. Кооперативные принципы двоецентрирования правления и ревизионной комиссии, выборности, отчетности и сменяемости управляющих органов, равноправного голосования способствовали формированию новой культуры социального действия, связанной с развитием общественного контроля над делами кооператива и местной жизнью.

На месте разрушенного в результате урбанизации деревенского «местного», «соседского» принципа горизонтальных связей в кооперативах формировалась новая ментальность свободного осознанного выбора. Однако современные ценности части пайщиков, сословное разобщение внутри кооперативов, злоупотребление адми-

³³ Сибирские записки. 1916. № 2. С. 124.

³⁴ Союз потребителей. 1915. № 10. С. 275; № 20. С. 645.

³⁵ Утро Сибири. 1917. 2 февр.; Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 25; 1917. № 6/7. С. 13.

³⁶ Кооперативное слово. 1916. № 1. С. 25.

³⁷ Иркутский кооператор. 1917. № 9/10. С. 29;

³⁸ Сибирская деревня. 1915. № 6. С. 18; Объединение. 1915. № 12. С. 21; Сибирская жизнь. 1915. 3 сент.; Борисович Л. Продовольственный вопрос в Красноярске и общество потребителей «Самодетельность» // Союз потребителей. 1916. № 3–4. С. 112–113.

³⁹ Сибирская жизнь. 1915. 10 окт.

⁴⁰ Голос Сибири. 1916. 15 нояб.

⁴¹ Союз потребителей. 1918. № 18. С. 14–15.

⁴² Омский телеграф. 1916. 13, 21, 24, 26, 28 мая, 1 июня.

⁴³ Сибирская жизнь. 1915. 23 дек.; Иркутский кооператор. 1916. № 1. С. 17; Кооперативная жизнь. 1916. № 3/4. С. 189.

нистративным ресурсом кооперации со стороны социалистов оказывали сдерживающее влияние на развитие демократического самоуправления. Лишь отчасти процесс развития демократического самоуправления зависел от экономических параметров – величины капиталов и прибыли, несомненно порождавших энтузиазм и сплочение пайщиков. Определяющими факторами являлись не финансовые и технические, а организационные. Социальная интеграция в кооперативах происходила по мере преодоления тенденции к авторитаризму в управлении, усилении коллегиальности, гласности, привлечения профессиональной экспертизы и ответственных специалистов. Становление потребительских обществ как демократических самоуправляющихся общественных организаций обусловило усиление их влияния на жизнь общества, особенно в годы Первой мировой войны, когда постепенно складывалось действенное сотрудничество кооперации с местным самоуправлением. Кооперативы не только смягчали социальные проблемы, но и внедряли в социум новые формы организации для решения этих проблем: самоснабжение, анализ продовольственной ситуации, проведение продовольственных кампаний, развитие образования и культуры. Благодаря этому кооперация превращалась в мощную силу и в совокупности с другими важнейшими формами местной жизнедеятельности – органами городского самоуправления, сетью общественных организаций – участвовала в формировании гражданского общества на региональном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Побережников И.В.* Проблемы и перспективы анализа российских модернизаций // Исторические вызовы и экономическое развитие России: мат-лы Всерос. научн. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Тип. «Альфа Принт», 2019. 540. С. 37–42.
2. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
3. *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 391 с.
4. Эпоха войн и революций: 1914–1922: мат-лы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 1916 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. 496 с.
5. *Лёве Х.-Д.* Война и гражданское общество – друзья или враги // Гражданское общество в глобализирующемся мире: мат-лы науч. симп. «Zivilgesellschaft: Die deutsche (europäische) Erfahrung und die Perspektiven in Rußland». Гейдельберг, 9–11 мая 2005 года / под ред. Х. Хофмайстера, Ю. Солонина, Т. Туманяна. СПб.: СПб. филос. о-во, 2008. 210 с. С. 107–138.
6. *Запорожченко Г.М.* Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX века. Поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск: Сиб-принт, 2015. 540 с.
7. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
8. *Алексеева Е.В.* Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: мат-лы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. 383 с. С. 46–55.
9. *Махов В.* Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития: мат-лы по истории кооперации (1898–1920 гг.). Ново-николаевск: Сиб. отд-ние Центросоюза, 1923. 243 с.
10. Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2. 807 с.
11. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. 583 с.
12. *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.
13. *Емельянов И.В.* Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций / пер. с англ., вступ. ст. С.А. Пахомчика. Тюмень: Тюмен. обл. гос. ин-т развития регион. образования, 2005. 304 с.
14. *Котсонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России в 1861–1914 гг. / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 313 с.
15. *Мильнер Б.З.* Теория организации. М.: Ин-т экономики РАН, 2000. 480 с.

REFERENCE

1. *Poberezhnikov I. V.* Problems and prospects of the Russian modernization analysis. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitiye Rossii*. Ekaterinburg, 2019, pp. 37–42. (In Russ.)
2. *Poberezhnikov I. V.* (ed.) Actors of the Russian Imperial modernization (XVIII– early XX century): regional dimension. Ekaterinburg, 2016, 316 p. (In Russ.)
3. *Korelin A. P.* Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917. Moscow, 2009, 391 p. (In Russ.)
4. *Kolonitskiy B. I., Orlovskiy D.* (eds.) The era of wars and revolutions: 1914–1922: proceedings of International colloquium. Saint Petersburg, 2017, 496 p. (In Russ.)
5. *Lyove H.-D.* War and civil society – friends or enemies. *Grazhdanskoe obshchestvo v globaliziruyushchemsya mire*. Saint Petersburg, 2008, pp. 107–138. (In Russ.)
6. *Zaporozhchenko G. M.* Urban consumer cooperation in Siberia in the early XX century. Search for identity and experience of civil self-government. Novosibirsk, 2015, 540 p. (In Russ.)
7. *Alekseev V. V.* (ed.) The experience of Russian modernizations. XVIII–XX centuries. Moscow, 2000, 246 p. (In Russ.)
8. *Alekseeva E. V.* The role of exogenous factors in forming industrial civilizations. *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy: regional'noe izmerenie*. Ekaterinburg, 2009, pp. 46–55. (In Russ.)
9. *Makhov V.* Consumer cooperation in Siberia in the process of its development. Materials on the history of cooperation (1898–1920). Novonikolaevsk, 1923, 243 p. (In Russ.)
10. *Lamin V. A.* (ed.) Historical encyclopedia of Siberia. Novosibirsk, 2009, vol. 2, 807 p. (In Russ.)
11. *Mironov B. N.* Social history of Russia during the Imperial period (XVIII – early XX centuries). The genesis of the individual, democratic family, civil society, and the legal state. Saint Petersburg, 2003, vol. 1, 583 p. (In Russ.)
12. *Shilovskiy M. V.* Tomsk pogrom in October, 20–22, 1905: chronicle, comment, interpretation. Tomsk, 2010, 150 p. (In Russ.)
13. *Emel'yanov I. V.* Economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations. Tyumen, 2005, 304 p. (In Russ.)
14. *Kotsonis Ya.* How the peasants were made backward. Agricultural cooperatives and the agrarian question in Russia, 1861–1914. Moscow, 2006, 313 p. (In Russ.)
15. *Mil'ner B. Z.* Theory of organization. Moscow, 2000, 480 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

Дата рецензирования 02.03.2020

Статья принята к публикации 13.04.2020